У него была эрекция в течение многих лет, но он должен был молиться об этом; он не молился сейчас и не молился с тех пор, как умерли его родители. Ощущение в животе усилилось, когда он запустил руку под простыню и коснулся своей набухшей головки. Это было примерно то, до чего он мог дойти, пока чувство вины не взяло верх, но сегодня он хотел исследовать больше, поэтому он слегка потер кончик большим пальцем, и ощущение в его животе распространилось на пах, но он отдернул руку, когда почувствовал, что на палец просочилась какая-то маслянистая субстанция. Он быстро натянул одеяло до подбородка и засунул обе руки за старое шерстяное одеяло, чувствуя, как нарастает страх и спадает эрекция, но желание прикоснуться к нему все еще было сильным, когда он услышал знакомый стук в дверь.

"Хезрон? Ты проснулся?" Маленький робкий голос принадлежал его сестре-близнецу. Она начала приходить в его комнату поздно ночью с тех пор, как их отвезли в дом дяди Шейна. Она не хотела спать одна, и, по правде говоря, он тоже не хотел.

"Перестань использовать мое полное имя и называй меня Хез. Я же сказал тебе это, Арели".

"Не приставай ко мне, я не привыкла к этому, и все равно здесь только мы. Можно мне остаться с тобой, Хез?"

"Да, наверное, но оставайся на своей стороне. Прошлой ночью я проснулась от того, что твоя нога лежала на мне".

Она быстро подошла к его кровати и запрыгнула на нее, чтобы не дать монстрам схватить ее за ноги. Он перестал делать это только в прошлом году, поэтому хранил ее тайну.

"Мне просто было холодно. Сейчас холодно, и дядя Шейн говорит, что нам не нужно постоянно включать обогреватель. Я просто пытаюсь согреться". Она забралась под одеяло и придвинулась к нему вплотную, обхватив его руками и притянув к себе. Она начала делать это месяц или около того назад, и это всегда заставляло его напрягаться, когда он чувствовал ее bre - части девушки - на своей руке. Они уже были большими, и он не хотел, чтобы она узнала, что он трогал свои, ну, вы понимаете, и уж точно не о том, что только что вышло.

"Эта ночная рубашка слишком мала и на ней дырки. Как ты думаешь, дядя Шейн купит мне новую?" Она взяла его за руку, прижимаясь к нему. Нитяной хлопчатобумажный халат уже отжил свое, лопнув в ее женских местах. Обтягивающий бедра, с небольшим разрывом возле правой груди, который позволял ему видеть нежную белую кожу под ним. (Грудь. Ему нужно было начать говорить это. Теперь он был взрослым. "Девичьи части" и "женские места" уже не подходили). Его член снова возбудился, вспомнив, как однажды ночью он увидел линию ее трусиков через халат, и мысль о вытекающей прозрачной жидкости заставила его немного отодвинуться от нее, но не далеко.

"Не трогай меня своими холодными ногами. Я ненавижу это, а дядя Шейн ничего нам не купит. Я думаю, он оставил себе те деньги, которые нам дала церковь".

"Ну, может, ты поговоришь с ним, Хез. Нам нужна одежда, а те маленькие компьютеры,

которые нам дали в школе, почти не работают. Нам нужен хороший, чтобы мы могли учиться. Я бы хотела, чтобы он разрешил нам ходить в школу".

"Это все равно не настоящая школа. Опять эта дурацкая церковная школа".

"Хезрон,... Хез, не говори так. Мы должны быть благодарны".

Дядя Шейн настоял на том, чтобы они учились на дому, и он думает, что это было потому, что ему это приносило больше денег, так как он ничего не делал, чтобы помочь им.

"Неважно, я попробую поговорить с ним, но иди спать, уже поздно".

"Хез?"

"В чем дело?"

"Тебе когда-нибудь было страшно, что с нами случится? Да." Она придвинулась ближе и крепко сжала его пальцы.

"С нами все будет хорошо, Арели. Я что-нибудь придумаю. Поспи немного".

Он закрыл глаза и мысленно ответил ей.

Он был в ужасе.

На следующее утро Арели все еще спала в его постели; она откинула одеяло и легла на спину, откинув большие груди в сторону, чтобы он мог видеть их под одеждой. Выцветший халат показывал очертания ее сосков под ветхой тканью, отчего его член мгновенно стал твердым, а в паху появилась незнакомая ноющая боль. Он запустил руку под боксеры, снова почувствовав влагу на кончике и ощущение падения в животе.

Он хотел остановиться, но его яички напряглись, когда он легонько помассировал ствол вверх и вниз, когда из него вытекло еще больше прозрачной жидкости. Она была скользкой и попадала на его пальцы, когда он слегка растирал ее, и желание дотянуться до ее соска, ощутить ее мягкое тело переполняло его. Он обхватил свой ствол и слегка сжал эрекцию, когда она проснулась.

"Хез?"

Он вскочил, чуть не упав с кровати.

"Что случилось? Почему ты смотрела на меня?"

"Я не смотрел. Пора вставать. Давай. Он не любит, когда ты спишь здесь, так что иди в свою комнату".

"Ты уверен, что не пялился на меня? Ты собирался разыграть меня, не так ли? Это нечестно. Я спала". Она надулась, отчего ее светлые щеки покраснели; для этого не требовалось многого. Ее светлые брови были нахмурены, а большие губы сжаты, когда она скрестила руки на груди, глядя на него.

"Хезрон, иди на кухню. Не заставляй меня ждать". Голос дяди Шейна пронесся по маленькому дому.

"Иди, Арели. Быстрее".

Она выбежала из маленькой комнаты и поскакала через коридор к себе. Хез накинул джинсы, теперь уже высокие, и толстовку, которая в прошлом году была ему даже мала, но это то, что у него было. Он быстро прошел на кухню, как только Арели закрыла свою дверь.

Фермерский дом уже давно перестал быть фермой, и те части пола, которые не скрипели, были застелены коврами, чтобы скрыть дыры в многочисленных слоях линолеума или какого-то другого покрытия, которое было здесь когда-то в прошлом. Бодрая походка вела его мимо заляпанной дымом мебели и стен из искусственного дерева с потрескавшимися, выцветшими фотографиями, которые, должно быть, повесили, когда стены были завешены где-то в восьмидесятых годах. Дядя Шейн сидел за кухонным столом, который, должно быть, достался ему вместе с домом, или кто-то был достаточно проницателен, чтобы найти подходящий зеленый стол, заляпанный никотином, чтобы соответствовать остальному декору дома.

"Хезрон. Нам нужно поговорить".

"Да, сэр".

Дядя Шейн был уродливым человеком. Худой, с небольшим количеством зубов и волосами, которые соответствовали состоянию мебели в доме. Следы от уколов на его руках создавали впечатление, что он лежал в больнице, но это не могло быть правдой, потому что ни один врач не позволил бы такому отвратительному человеку, как он, остаться без лечения. Он прочистил пазухи и сплюнул в небольшую урну неподалеку, в основном пропуская ее и еще меньше заботясь о ней.

"Сэр прав. По крайней мере, эти уроды из секты научили тебя хорошим манерам. Черт, ты прожил в этом монастыре или как вы там, бляди, называете это место достаточно долго, чтобы

знать, когда нужно заткнуться и сесть на место. Это не имеет значения. Ты будешь следовать моим законам в моем доме. Теперь, твои дружки из церкви, которые не в тюрьме, говорят, что все деньги закончились, но твоя мамаша и тупоголовый папаша дали тебе немного, когда тебе исполнилось 18, а это было в прошлом году, и я считаю, что ты слишком глуп, чтобы куда-то идти самостоятельно, так что мне нужно, чтобы ты начал вносить свой вклад".

"Сэр, мы с Арели делаем работу по дому и готовим".

"Заткнись, коротышка, и не смотри мне в глаза, а то я тебе задницу надеру, парень". Шейн встал, раскинув худые руки, накачанные наркотиками, и остатки черно-седой бороды заиграли на его щеках.

"Ты ведь не хочешь кусочек этой старой мышцы, сынок?"

"Нет, сэр".

"Что? Громче."

"Нет, господин".

Хез был силен и мог его взять, но что потом? Церковь рассказала им о тюрьме и содомитах там.

"Да, блядь. Нет, сэр прав. Теперь я буду милосердным братом для детей моей сестры, упокой Господи ее невежественную душу, и возьму вас к себе еще на год, чтобы вы закончили школу, но мне понадобятся некоторые из этих денег. Понятно?"

"Сэр, нам с Арели нужна одежда и некоторые вещи, поэтому я хотел спросить..."

Шейн обошел стол, и Хез привстал. Он никогда не сопротивлялся. Что бы случилось с Арели? Он увидел удар еще до того, как Шейн его нанес, поэтому он сжал живот и принял его. Худой или нет, но было больно, и Хез опустился на колени, когда Шейн заехал ему в лицо.

"Ты не просишь меня ни о чем, пока я не скажу тебе, что пришло время просить. А когда пора просить?"

"Когда...", - кашлянул Хез, не в силах закончить предложение.

"Скажи это, маленький засранец. Когда это?"

"Когда..., когда вы скажете, сэр".

"Правильно, блядь, ты, маленький болтливый говнюк, и теперь в этом месяце у тебя не будет времени на попрошайничество. Вставай."

Хез держался за живот, но встал, просто чтобы показать, что он может.

"Ты же не хочешь вернуться к тем людям? К твоим проклятым товарищам из Вако. Черт, судя по тому, как располнела твоя сестра, я уверен, что эти парни найдут ей хорошее применение".

Смотреть ему в глаза было ошибкой. Он мог вынести многое, но не его разговоры об Арели. Утром Шейн был хуже всех, и он не мог справиться ни с чем, что считал вызовом своему авторитету. Он был готов к удару, но не к тому, что стол врежется в живот, посылая его назад, головой вперед в испачканную никотином стену.

"Хватит!" Арели была там, плакала. Испуганная. Ее голос был так далеко, что он едва мог ее расслышать, но он видел, что она стоит перед ручьем. Это было не то место, которое он помнил раньше, но она была там со своими длинными светлыми волосами, очень длинными светлыми волосами, они спадали чуть ниже ее попы, и это было прекрасно, подумал он, пока его глаза то приближались, то удалялись. Шейн никогда не прикасался к ней, но он знал, как использовать ее, чтобы прикоснуться к Хез. Вау, она была красива. Ее кожа была такой мягкой на его коже прошлой ночью, и он попытался сосредоточиться на ее ощущениях, когда темнота сомкнулась над его зрением. Его длинноволосая принцесса.

"Пожалуйста, дядя Шейн. Он не хотел этого. Это моя вина. Я хотела новую ночную рубашку". Отчаяние в ее голосе ранило его, но он был так далеко и не мог убежать так далеко, чтобы спасти ее. Жужжание началось вокруг его головы.

"У тебя самые красивые волосы, Арели". Он лежал на полу, и теплая струйка крови катилась из его уха. Она испуганно смотрела на него, а потом он не увидел ее, а услышал жужжание, теперь уже более громкое, так как Шейн сосредоточил свой гнев на ней.

"Тебе нужно подстричься, Рапунцель", - сказал Шейн, возвращаясь на свое место. К счастью, он не был достаточно близко, чтобы пнуть Хез, что было обычным продолжением этих эпизодов. "Ты похожа на одного из тех фриков-культистов, с которыми ты выросла, с этой шваброй на твоей гребаной голове, а этому мальчику нужны манеры. Убирайтесь, вы оба. Я не хочу вас видеть до ужина, а деньги мы получим в следующем месяце, как только прояснится ситуация с документами, так что помните, что вы здесь потому, что я разрешил. Идите."

Хез был в сонном состоянии, но с помощью Арели ему удалось встать и, прихрамывая, выйти через парадную дверь и спуститься по лестнице в прохладный ноябрьский день, когда начало зимы коснулось высокой травы, доходившей им до пояса по дороге в лес. Он не был уверен, как долго они бежали, но узнал близлежащие деревья. Это было их безопасное место; только их.

"Хез, ты в порядке? Мне так страшно. Мне ничего не стоит, чтобы он так с тобой поступил. Мне так жаль". Она вытерла кровь с его уха рукавом своей толстовки.

У него болел живот, но туман в голове уже не был таким плотным, он был более ясным. "Ты заслуживаешь хороших вещей, Арели".

"Ну, ты не заслуживаешь того, чтобы тебе надрали задницу, несмотря ни на что, так что не волнуйся об этом. Хорошо? Не проси больше ни о чем. Ты опять слышала этот жужжащий звук? Он сказал, что больше не будет тебя бить после того, как в прошлый раз появилась полиция. Хочешь, чтобы я им позвонила? Я украду его телефон, когда он отключится. Я думаю, вы ранены и вам нужен врач. У тебя из уха текла кровь, Хез".

Он знал, что такое сотрясение мозга, и его уже били. В церкви. Здесь. Жужжание началось около года назад, но всегда проходило. Никакая полиция не собиралась им помогать. Не на этой горе в глуши. Его голова закружилась от жужжания, он прислонил ее к дереву и заснул.

http://tl.rulate.ru/book/2521/62063